

ПАМЯТИ ДРУГА МИХАИЛА ВИКТОРОВИЧА ГУСЕВА

Счастливы — мертвые. Живые не счастливы.
Проходит все. Со временем и мы умрем.
И все-таки до той поры мы живы,
Пока мы в памяти своих друзей живем.

В связи с подготовкой номера журнала “Вестник МГУ” (серия Биология), который посвящается памяти Михаила Викторовича Гусева, мне предложили участвовать в создании этого сборника. Разумеется, я согласился, потому что для меня Михаил Викторович на протяжении 50 лет был просто Миша и всегда занимал в моей жизни (особенно на первых этапах нашей юности) особое, исключительное место. Тому было много причин. Когда я перешел на биологический факультет с геологического, то, сразу оказавшись на летней практике первого курса в Чашниково, окунулся в особую атмосферу этого факультета. Меня зачислили в группу, которая неофициально именовалась “8 марта” по той простой причине, что в группе до меня не было ни одного молодого человека — группа была целиком женской. С моим появлением группа стала ассоциироваться уже с другим праздником — 23 февраля, который посвящен мужчинам. Естественно, мое знакомство с нашим курсом и началось с практики. Это способствовало выяснению наших дружеских привязанностей, чувств, отношений. Уже тогда стало ясно, что у нас курс был в целом талантливым, но весьма неровным. Он состоял в основном из молодежи, которая училась во время войны и сразу после войны, и это, конечно, накладывало отпечаток на все складывающиеся между нами отношения. Среди однокурсников уже тогда угадывались личности, которые в дальнейшем заняли высокие посты и сыграли значительную роль в жизни курса и факультета. Среди пестрого разнообразия характеров и дарований незаметно сложилась и наша небольшая компания-команда. Начиналось все со спортивных состязаний, а потом постепенно переросло в дружбу. Там впервые я встретился с несколькими молодыми людьми, дружбе с которыми я остаюсь верен всю свою жизнь. Символично, что это отражает фотография второго курса на спортивной линейке: первым стоял Миша Гусев, вторым стоял я, третьим — Женя Чиннов, потом — Сережа Шестаков, далее — Герман Гапочка и Борис Ванюшин. И хотя это была просто спортивная линейка, но, заметьте, все эти люди впоследствии оставили след и в университете, и прежде всего у нас на биологическом факультете. Собственно, на спортивных состязаниях состоялось мое первое знакомство с Мишей Гусевым. Мы самозабвенно состязались, представляя спортивные интересы наших групп, участвуя во всех видах спортивных состязаний, доступных в усло-

виях практики: бегали на разные дистанции, прыгали в длину и высоту, плавали, играли в волейбол, баскетбол и футбол. Миша хорошо в то время бегал на длинные дистанции, на коротких я обгонял его. На память о наших спортивных “подвигах” остались фотографии, которые напоминают о наших безоблачных днях юности.

В этих коротких воспоминаниях я вовсе не хочу воссоздавать биографию развития наших отношений, хотя и расскажу о некоторых случаях, когда проявился характер моих друзей и прежде всего — Миши Гусева.

Миша был человеком, безусловно, неординарным, эксклюзивным, со своеобразным мышлением, что отличало его от подавляющего числа других моих друзей. У него было какое-то особенное видение, касающееся и людей, и событий. Он как-то по-своему, творчески, придумывал истории, создавал особые нестандартные схемы, по которым вписывал своих друзей в необычные ситуации, выход из которых искал в нетрадиционных решениях. Сегодня я хочу вспомнить о так называемой “личинке” (абсурдная сценическая игра), которая объединяла его друзей в те годы. Они изобрели целый мир и общались между собой и с этим миром, сочиняя непонятные в то время песни, и писали заумные стихи. Играли в придуманные ими игры — ползали в халатах из комнаты в комнату, напевая песню “боевой личинки”:

Как наденем мы халаты,
Будем лихо ползать в них,
Все традиции “личинки”
В этих тканях дорогах...

И многое другое было придумано ими в таком же духе. Вроде бы они дурачились, но именно “вроде бы”. В ритуал входил обмен “тризной” — это особое выражение лица, которое было неким символом, который сближал людей и свидетельствовал: “Да, это наш человек! Это человек моего круга”. Вероятно, это способствовало консолидации друзей вокруг Миши. А для обычных людей, вне его круга, это казалось странным, алогичным и чем-то слегка настораживало. Позже я не встречал больше похожих на них групп, которые бы объединяли людей разных наклонностей, способностей и профессий, играющих в абсурдные игры, непонятные большинству окружающих. Возможно, не следовало вспоминать об этом, если бы не один штрих — неизменным заводилой этих мистерий выступал Миша Гусев.

Еще я хочу упомянуть другого моего друга — Сережу Шестакова. Ныне он процветающий академик. Он тоже был спортсменом — бегал на короткие дистанции и прыгал в длину. Причем когда мы только познакомились, он был страшно болезненным юношей. Он все время лечился, да и внешне был дохлый такой, худой. И кличка у него была соответствующая — “Костлявенький”, в то время как Миша носил уважительное прозвище — “Гросс”. У Сережи какой-то комбинированный порок сердца был, я уж не могу точно сказать, что там у него было, а чего не было. Но при всех своих болячках спортсмен он был отменный, поражал наш курс, факультет и даже университет своими спортивными достижениями. На соревнования Сережа приезжал закутанный в теплый шарф, часто с насморком. Потом он снимал шарф. Разбегался — и... прыг! — и сразу становился чемпионом МГУ! Прыгал он под 7 метров! Потом, после прыжка, ему становилось дурно, он хватался за сердце, ему вызывали машину, увозили, но он уже уезжал чемпионом МГУ! Был он в то время четырежды чемпионом университета: по прыжкам в длину, по 100-метровке, 110 и 210 с барьерами. Станным образом он стал и чемпионом МГУ по футболу, забив победный мяч в ворота противника не ногой, а каким-то немыслимым, не футбольным образом — внес его в ворота плечом. Мы с ним также играли в волейбол и баскетбол за факультет, занимая призовые места. Легко видеть, что по своеобразию отпущенных ему дарований Сережа занимал в нашей тройке не последнее место.

Совсем недавно, в 2005 году, вышла книга стихов доцента кафедры эмбриологии Людмилы Алексеевны Слепцовой “Из того, что помню и люблю” с предисловием Михаила Викторовича как декана нашего факультета. Одно из посвящений было адресовано академику РАН С.В. Шестакову в день его 70-летия, которое начинается четверостишием:

МГУ не малая заслуга
В том, что здесь нашли надежный кров
Три талантливых и верных друга —
Гусев, Федоров и Шестаков.

Это было своеобразным признанием некой нашей исключительности среди однокурсников. К нам примыкали известные теперь в науке люди: академик РАН Володя Скулачев, с которым мы вместе делали курсовую работу, и член-корреспондент РАН Боря Ванюшин, с которым мы вместе играли в баскетбол и волейбол. Они, несомненно, входили и тогда и позже, точнее — всегда! — в элитную часть нашего курса, но наша тройка проводила гораздо больше времени друг с другом, чем с остальными сокурсниками.

Хочу отметить, что в то время Миша играл большую роль в моей биографии, в моей жизни. Есть тому объяснение. Миша страстно увлекался поэзией, прекрасно разбирался в литературе, имел большую библиотеку, откуда он эпизодически выдавал мне книги для прочтения. И как-то так получилось, что именно он заразил меня любовью к микробиологии, когда дал прочесть книги Поля де Крюи “Охотники за микробами”, “Стоит ли им жить?”, “Победа над голодом”. Книги были талантливо написаны, и мы часто обсуждали детали биографий великих ученых-микробиологов. Именно это и послужило решающим фактором в выборе мною профессии. Миша пошел на кафедру микробиологии и я пошел вслед за ним на ту же кафедру. В итоге мы были приняты и оказались вместе в одной группе, в которой и провели все последующие годы студенчества. Помимо нас в этой группе был еще один молодой человек — Саша Мешков. К несчастью, у него был врожденный порок сердца и он умер, не закончив кафедру. Дальше мне трудно вспоминать годы учебы. Подробности забылись, и хочу лишь отметить, что мы всегда были с Мишей рядом и даже работали по близкой тематике — “Бактериальный фотосинтез”.

В этот период у нас (Шестаков тоже был с нами) вспыхнула страсть к коллекционированию. Мы страстно увлекались марками (филателией), в меньшей степени сбором монет (нумизматикой), комплектовали личные библиотеки, выискивая первоиздания поэзии Серебряного века. И... чего греха таить!... часто проводили вечера за картами. Играли, конечно, не в дурака, хотя дурак в действительности очень умная игра, но в преферансе была какая-то особая, волнующая нас притягательность. Все студенческие годы прошли как бы под знаком наших увлечений и экспериментов в науке. Любопытно, что в нашей тройке не было главного, который бы действительно верховодил остальными. Мы были “на равных” именно потому, что у нас были несколько разные интересы, разные пути, и по этой причине мы не конкурировали, а скорее, дополняли друг друга. Наши встречи носили столь регулярный характер, что каждый из нас формировался под воздействием этих отношений. Поэтому сейчас, вспоминая Мишу Гусева, я хочу отдать должное ему как одному из безусловных лидеров курса, что сказалось в дальнейшем, когда он стал заведующим кафедрой и деканом нашего факультета. Об этом я меньше буду говорить, так как эта история описана в моей книжечке “Воспоминания выпускника 57 года” (2004 год). Я хочу сейчас говорить только том, о чем ранее рассказать не успел, а возможно, и не хотел. Я с большим удовольствием вспоминаю, как мы озорничали беззлобно и по-мальчишески, подкалывая, поддразнивая и разыгрывая

друг друга. Признаюсь, это было приятным времяпровождением.

Поэтому сейчас, когда мы с Сережей Шестаковым остались из нашей тройки только вдвоем, мне особенно дороги эти воспоминания.

И потом, у нас были еще и другие увлечения, которые, на взгляд некоторых, считались легкомысленными и “плохими”. Вроде бы и говорить о них не стоит, но все-таки я скажу. Мы всегда немножко хулиганили. Часто вечерами собирались, ходили в гости к знакомым, а главное, к мало и вовсе незнакомым людям. Это был особый жанр, изобретенный нами, который доставлял нам бездну удовольствия. Мы ставили перед собой трудную задачу: как можно войти в чужой дом и остаться в нем с тем, чтобы тебя не выставили за дверь, а приняли и расстались с нами друзьями. Я расскажу о нескольких случаях, иллюстрирующих наши “богатырские игры”, в которых Миша играл отнюдь не последнюю роль.

Помню, когда однажды мы пришли в один дом, а пришли мы потому, что одна из наших студенток была невероятно симпатичной, Миша разыграл гениальный вариант: мы позвонили в квартиру — нам открыл мужчина, это был ее отец. В глубине комнаты мы увидели лежащую на кровати женщину, закутанную в простыни до подбородка. Женщина смотрела на нас тревожно и вопрошающе. Момент был критический. И Миша мгновенно нашел блестящий выход. Он бросился к ней и, упав на колени у кровати, страшным голосом прокричал: “Что с Вами? Чем я могу помочь Вам? Говорите! Мы с другом для Вас сделаем все!”. Бедная женщина вжалась в подушки. И тут подоспел я и начал читать стихи. Через 10 минут эта женщина хохотала и колыхалась в своих простынях, повторяя: “Откуда такие люди берутся?”. Не правда ли, лихо? А ведь мы в то время были уже серьезными учеными — доцентами и старшими научными сотрудниками московского университета. Дочка что-то смущенно лепетала, поясняя родителям, кто мы такие и что от нас еще можно ожидать. Спустя час после нашего вторжения родители повторяли: “Приходите к нам еще и еще. Приходите к нам запросто, запросто”.

Таких способов у нас был миллион! Ну, не миллион, а, скажем, у каждого из нас с десятком способов был, но каждый хранил и оттачивал именно свой способ... Вот так мы развлекались. Нам нравилась наша жизнь, которая никому не приносила вреда. Скорее даже наоборот. Нас звали и были рады видеть снова.

Однажды, когда мы гуляли с Мишей по Арбату, я встретил свою старую знакомую Ксению Любомирову. Она была гляциологом, только что вернулась с практики на Кавказе. Ксюша обрадовалась нашей встрече: “Мальчики, заходите ко

мне, но сегодня я занята, иду в гости”. А мы: “Ну и что? Мы тоже с тобой идем в гости”. “Это невозможно. Там мама возглавляет МОПР страны, папа Анохин — дважды Герой Советского Союза, летчик-испытатель”. Доводы Ксюши нас не убедили, и в своем решении мы были тверды: “Нет, Ксения, мы идем с тобой. Мы тебя одну не отпустим”. Ксюша заметалась. Но, видя нашу настойчивость, сдалась. По дороге мы купили десяток яиц в надежде организовать яичницу, какую-то бутылку вина и направились с бедной Ксенией в высотное здание на площади Восстания. На лифте поднялись на этаж, позвонили в квартиру. Дверь нам открыл хозяин. Он был одет по-домашнему: в тапочках и без мундира. Из-за его плеча выглядывала жена. Ксения извиняющимся голосом произнесла: “Простите ради Бога. Это мои друзья. Не могу никак от них отделаться. Они сказали, что будут сопровождать меня к Вам в гости”. На что Анохин галантно произнес: “Гостям мы всегда рады. Проходите.”. Мы вошли, поставили на стол бутылку вина, а между тем я отметил, что яйца из кармана Миша не вынул. Очевидно, он, как и я, не мог предвидеть дальнейшего развития событий. С этого момента началось самое интересное. Анохин сказал: “Вы удачно пришли. Сейчас ко мне зайдет мой старый друг, и мы все сядем за стол, чтобы осушить бокалы за наше знакомство и приятную встречу”. Спустя примерно полчаса раздался звонок и вошел друг. И вот тут мы дрогнули, когда его нам представил хозяин дома. Это был легендарный полярный летчик Ляпидевский, обладатель звезды Героя Советского Союза номер один. Мы чудно провели вечер, рассказывая всякие были, небылицы, запивая рассказы добрым вином. Мы с Мишей читали стихи. В тот вечер мы были в ударе, попеременно декламируя стихи разных поэтов. Но самое интересное было дальше. Когда мы прощались в прихожей с хозяевами, Миша проявил свой непредсказуемый характер — стал незаметно вынимать яйца из своего кармана и рассовывать их в карманы одежды на вешалке. Там висели китель, пальто, шубы, и он всюду, где возможно, рассовывал яйца. Я шепчу ему: “Ты что, с ума сошел?”, а он в ответ: “Я несусь, я несусь...”. Распровавшись с гостеприимными хозяевами, мы втроем — Ляпидевский, Гусев и я, спустились в лифте. На первом этаже стояла охрана, представленная двумя бабушками за трапезного вида. И тут Миша сделал следующий гениальный ход: он положил яйцо прямо на пол перед бабушками, громко крикнул: “Это не бомба!” и побежал к двери. Бог мой! Как они завопили, эти бедные старушки! И с неожиданной прытью, бросившись к двери, закрыли собой выход. Тогда Миша неторопливо нагнулся, положил яйцо в карман и, обращаясь к старушкам, назидательно произнес: “Я же сказал, что это не бом-

ба". Ошарашенные старушки молча расступились, и мы втроем покинули вестибюль высотки. Ляпидевский заразительно хохотал. Мы проводили его пешком домой. Он жил недалеко, на Гоголевском бульваре. Миша говорил потом, что вечер у Анохиных явно удался.

Расскажу еще об одной истории, случившейся в стенах нашего факультета. В то время мы были молодыми кандидатами наук. Уже тогда было принято, как и сейчас, впрочем, после успешных защит диссертаций отмечать триумф соискателей организацией банкетов. В то время еще не существовало специализированных Советов и все защиты под председательством декана происходили на Совете факультета, состоящем из заведующих кафедрами. После этого, конечно, накрывали праздничные столы. Наша кафедра микробиологии располагалась на третьем этаже, за ней следовала кафедра биохимии растений академика А.Н. Белозерского, далее располагались помещения кафедры физиологии животных. И случилось однажды одновременное празднование двух успешных защит — на кафедрах микробиологии и физиологии животных. По этому случаю мы с Мишей, немножко приняв на грудь живительной влаги, обуреваемые жаждой деятельности, решили навестить друзей на кафедре физиологии животных. В то время кафедру возглавил Андрей Владимирович Лебединский — человек удивительных дарований, удивительной жизни. Он переехал в Москву из Ленинграда, где работал в Военно-Медицинской академии. В тот день он был в адмиральском мундире, с кортиком, и все в его облике было значительным. Он впервые участвовал в застолье своей кафедры. По этой причине все чувствовали себя несколько скованно, никакого смеха слышно не было, никаких шуток, все переглядывались, с опаской поглядывая на нового руководителя кафедры — все-таки контр-адмирал, действительный член Медицинской академии наук, автор учебников вместе с Генецинским по физиологии животных. Одним словом, величина известная в научном мире. Когда мы вошли с Мишей, все уставились на нас, и Андрей Владимирович, подняв глаза и прищурившись, спросил: "Вы по какому поводу?". "Мы пришли прочесть Вам стихи", — бойко ответил я. "Ну, пожалуйста", — произнес Андрей Владимирович, широким жестом руки приглашая нас подойти к столу. И тут в меня словно бес вселился. Я встал на стул и шагнул на стол с яствами и напитками, и, обращаясь к сидящему во главе стола Андрею Владимировичу, прочел одно из любимых моих стихотворений Ильи Иословица "Дон Кихот":

Тогда его придумал Сервантес Сааведро,
Тогда в него влюбилась веселая страна,
Испания, Испания, оборванная ветром
И очень много солнца и красного вина...

Когда я закончил декламировать, Миша выкрикнул: "И я хочу!" и вслед за мной залез на стол, встал рядом со мной и громко прочел:

Ты похожа на королеву с гравюры чеканенных марок...

Это было его собственное стихотворение, очень хорошее, которое я очень люблю. Когда он закончил читать, среди присутствующих воцарилось гробовое молчание. Все смотрели не на нас, а на Андрея Владимировича Лебединского! Как он отреагирует? Адмирал поднялся. Он был выше среднего роста, подтянутый, стройный. Произнес: "Но это же прекрасно, молодые люди! Идите сюда, садитесь рядом со мной!". Мы с Мишей сели по обе стороны от Лебединского. "Вы увлекаетесь стихами? А скажите, Вы французов любите?" Я ответил: "Да". "А кого Вы особенно любите?" — "Я могу прочитать Артюра Рембо, Шарля Бодлера". "Неужели?" — говорит. "Мы все-таки образованные люди, мы из МГУ", — парировал я вопрос. "Удивительно! Какой же все-таки необычный МГУ! Неподобный на остальные вузы! Ну, прочтите что-нибудь еще!". Я прочел стихи Поля Верлена, затем стихи Виктора Гюго. Андрей Владимирович был потрясен. "Приходите чаще! Не стесняйтесь! Мы обязательно должны встречаться". После нашего выступления атмосфера за столом сразу изменилась. Все стали веселиться, чокаяться, посыпались шутки. Я почувствовал, что нам пора уходить. И мы ретировались на родную кафедру микробиологии, где тоже отмечали успешную защиту. Замечу, наша дружба с Лебединским длилась много лет. И после того, как он организовал Институт космической биологии и медицины, он настоятельно звал меня возглавить лабораторию фотосинтеза в новом институте.

Я рассказал об этих двух эпизодах, чтобы показать, какими мы были, будем говорить, мало похожими на других. Я с трудом сейчас представляю, чтобы кто-то сейчас из молодых кандидатов наук вел себя столь безрассудно, откровенно, раскованно. Я таких просто не знаю. Наше поведение приносило нам с Мишей некоторую известность, не всегда такую, как нам хотелось бы. Но нас оправдывала и выручала любовь к поэзии. Были вечера, на которых мы "для своих" декламировали стихи. На таких вечерах я обычно читал Есенина. Я знал его почти всего наизусть, включая поэмы. Миша читал много своих потрясающих стихов, потому что он и в своих стихах был так же оригинален, как и в повседневной жизни. В его стихах слово "любовь" редко рифмовалась со словом "кровь" и "вновь". Он был и в рифмах оригинален и находчив. Позднее я издал небольшую книжечку стихов Михаила Гусева с моим предисловием. Теперь я свято храню это издание с прекрасным посвящением мне. Он написал:

“Дорогому Вадиму от Миши.

1) Эта книга — доказательство (еще одно) того, что ты, мой друг, конечно же волшебник. Ты-то это ощущаешь?

2) И еще. Ты один из немногих, кто называет меня “Миша”. И этих людей все меньше и меньше.

Спасибо, что ты есть, и будь долго. Книга — на долгую память”.

М. Гусев. 5/VI—97 г.

Это было теплое признательное посвящение. Я этой книжкой очень дорожу.

Из сказанного ясно видно, как разнообразен и многолик, необычен и ярок был образ Миши как человека. Я специально не хочу говорить о его научных заслугах, потому что уверен, что весь номер, посвященный Мише, будет в основном о его научной, педагогической и организационной деятельности на посту декана. В частности, по долголетию в должности декана первое место в МГУ занимает Ясен Николаевич Засурский — декан факультета журналистики. Он 40 лет был деканом и сейчас декан. На втором месте был знаменитый человек, один из авторов атомного проекта, декан физического факультета Василий Фурсов. Он был деканом 35 лет, и при этом даже не обзавелся собственной кафедрой. А третье место занимал Миша, декан биологического факультета. Он был руководителем нашего факультета 32 с половиной года и умер на этом посту, как, впрочем, и Василий Фурсов.

Наверняка в номере, посвященном Михаилу Викторовичу, будет много сказано о его научных заслугах, что освобождает меня от необходимости детального рассмотрения этого вопроса. Вместе с тем несколько слов о его научных привязанностях и симпатиях мне следует сказать, поскольку мы занимались с ним близкой тематикой и у нас много было совместных публикаций. После окончания аспирантуры я организовал лабораторию физиологии и биохимии водорослей на кафедре гидробиологии, которую впоследствии и передал Гусеву. Он много работал по физиологии микроводорослей. Я уверен, об этом еще напишут, когда будут характеризовать его как ученого, администратора, организатора и руководителя факультета. Мне бы хотелось дополнить ожидаемые оценки его сокурсников, учеников и коллег воспоминанием о нем как о необычном человеке, который выпадал из ряда окружающих его людей. Многие смотрели на него в то время с искренним восхищением. Он был прирожденным лидером. Он это доказал всей своей жизнью, всеми своими увлечениями и привязанностями. Во всех своих проявлениях он был необыкновенным, непредсказуемым и ни на кого не похожим. Именно в этой разящей окружающих индивидуальности и заключалось обаяние Миши как человека.

Я потерял друга, с которым прошел всю свою осмысленную жизнь. Мы шли, как говорится, нога в ногу, в надежде, что главное у нас все еще впереди. Теперь, когда переи́ден 70-летний рубеж (а я старше его только на один месяц), стало ясно, как иллюзорны были наши надежды. При рождении мы не выбираем страну, не выбираем родителей, но мы выбираем друзей, всякий раз отыскиваем близких себе однодумцев, созвучных нам в поведении и в оценке ситуаций. Именно поэтому, когда уходит друг, мы умираем сообща, так как вместе с ним уходит и часть нашей жизни. И оставшимся в живых в конце пути угрожает одиночество — страшное наказание в старости. Не удивительно поэтому, что с годами все острее становится желание видеть своих старых друзей, все острее становятся воспоминания о тех безоблачных днях юности, когда мы выросли, мужали, приобретая навыки в науке и в жизни. Потеря друга особенно тяжела, когда ты осознаешь, что она невозвратима. Когда об этом думаешь, возникает и крепнет чувство протеста и несправедливости, что наша жизнь чересчур коротка и скоротечна. Так жалко, что мы иногда огорчаем друг друга, потому что надо ценить каждый день, каждый час, каждый миг, проведенный в окружении друзей. На этом я закончу воспоминания о Мише как о моем друге. Я благодарен Судьбе, что я встретил на своем жизненном пути такого необыкновенно яркого человека.

...Последний год жизни Миша был тяжело болен, очень тяжело. Но он был мужественным человеком. Он неукоснительно исполнял свои обязанности декана даже за неделю до своей кончины, когда вручал дипломы выпускникам факультета. Его увещевал наш общий знакомый: “Брось это все, Миша. У тебя столько заслуг! Иди в советники ректора, тогда и положение твое сохранится, и это продлит твою жизнь”. Но Миша этому совету следовать не мог. Он настолько сроднился с факультетом, настолько был предан ему, что возможность ухода с поста декана отвергалась им а priori. Последний раз мы встречались с ним на празднике Дня Победы, когда поздравляли ветеранов войны нашего факультета. После торжественной части он мне шепнул: “Мне что-то не очень... Проводи меня”. Мы встали и я проводил его до дверей кабинета на кафедре. Миша шел тяжело, медленно, время от времени останавливаясь для отдыха. Месяц спустя он вручал дипломы, с трудом поднимаясь со стула, чтобы пожать руки счастливым выпускникам... Он не хотел сдаваться, он шел на работу, как в бой, как солдат, исполняющий свой долг. Вот такой он был человек, наш декан и мой друг. До последних дней он не мыслил свою жизнь без факультета, без работы, без друзей. В последние полтора-два года он работал не в полную силу. Миша был неизле-

чимо болен, и он это знал. Последний раз беседуя по телефону с Сережей Шестаковым, он сказал: “Я знаю, что мне осталось жить несколько недель, а может быть и дней”. И это он тоже знал. Но он был мужественным человеком и не хотел менять образ жизни. Можно только склонить перед ним голову. Он решил умереть на посту. Может быть, другой на его месте предпочел бы, в силу своих личных качеств, принять другое решение, чтобы прожить дольше, уйдя от дел. Любимая

книга его “Подобает ли генералу умирать в постели?” дает ответ на поставленный в заголовке вопрос. Нет, не подобает генералу умирать в постели! Генералы должны умирать только на боевом посту! В бою! И свою жизнь Миша Гусев закончил именно как генерал — на своем посту. Он не стал жертвовать своими привязанностями в жизни в обмен на возможность прожить дольше вне дел, больным и одиноким. Это было право его выбора. И этим правом он воспользовался вполне.

Профессор *В.Д. Федоров*